

«Я не собираюсь отдавать русский язык Путину!»

Беседа с Александром Володарским

Писатель-юморист, драматург и сценарист Александр Володарский родился 18 декабря 1954 г. в Киеве. Окончил МВТУ им. Баумана, затем Высшие театральные курсы при ГИТИСе. Печатался в «Литературной газете», «Юности», «Неделе», «Радуге», «Фонтане» и других изданиях, был автором «Фитиля». Автор миниатюр в исполнении Клары Новиковой, Владимира Винокура, Геннадия Хазанова, Ефима Шифрина и Евгения Петросяна, цирковых реприз Юрия Куклачева. Основал вместе с Яном Таксюром «Клуб Голохвастова» и 17 лет был редактором отдела юмора «Клуб Голохвастова» газеты «Киевские ведомости». Автор пьес, поставленных в театрах Киева, Одессы, Винницы, Черкасс, Тернополя, Кишинева, Минска, Гомеля, Воронежа, Благовещенска, Чикаго, Афулы и др. Автор четырех книг иронической прозы, сериалов и мультфильмов. Лауреат первого фестиваля «Море смеха» им. Аркадия Райкина (Рига, 1991), Премии им. Бабеля (2021) и др.

– Александр, расскажите, пожалуйста, о вашей родословной.

– Отец родом из Белой Церкви, а мама – из Сквиры, это некогда еврейские местечки неподалеку от Киева. Я больше знаю родословную по папиной линии. С этим связана поучительная история. Незадолго до папиного ухода у него взяли интервью представители какой-то еврейской организации. Он рассказывал о своей жизни, меня при этом не было, и я успел забыть об этом интервью. Через некоторое время после того, как папы не стало, я случайно встретил знакомого, у которого оказалось то самое интервью. И я получил «привет с того света», а из интервью узнал много такого, чего я вообще не знал, а отца об этом никогда не спрашивал. Там он рассказал забавный эпизод: у моего дедушки была контора при железной дороге, а после революции его не хотели принимать в профсоюз, потому что он, по мнению большевиков, был капиталистом. В той «крупной» конторе работало всего двое экспедиторов, поэтому деда не тронули, и он смог вырастить пятерых детей. Папина мама – из более интеллигентной семьи, но она умерла, когда папе было всего два года. Родом бабушка была из Прокурова, из небедной раввинской семьи. Дедушку я не помню, потому что он умер в 1957 г. Это был тот самый дедушка из Белой Церкви. Я – поздний ребенок, и у меня есть брат, который старше меня на одиннадцать лет, а когда я родился, папе было 37, а маме – 33. Я даже написал рассказ о том, как родители думали, «быть» мне или «не быть», но это – отдельная история.

– Какое вы получили образование?

– Это был довольно престижный институт – МВТУ им. Баумана, где я получил специальность инженера, а поехал я поступать туда, потому что в те годы в Украине антисемитизм в сфере образования был сильнее, чем в России. Поэтому многие мои знакомые ребята уезжали поступать именно в российские вузы. Но я учился даже не в самой

Александр Володарский

Москве, а под Москвой – в Калуге, где был филиал «Бауманки». Калуга находилась в 180 км от Киева, что тоже имело определенное значение, потому что можно было в десять часов вечера сесть в поезд и уже в семь утра быть дома в Киеве. Моей специализацией были гидравлические машины и средства автоматизации, а после окончания вуза я в течение десяти лет работал инженером на разных заводах – в Калуге, в Киеве и т. п.

– Что же тогда стало причиной для перекалфикации из инженера в сатирика и юмориста?

– Когда я поступил в институт, как раз закрыли КВН, но остались театры миниатюр, которые назывались СТЭМы (студенческие театры эстрадных миниатюр. – Е. К.). У нас в институте тоже был такой СТЭМ, где я был на первых ролях. Это было такое неосознанное, веселое, молодое творчество, мы что-то искали, придумывали. Представьте, мы были очень популярными до тех пор, пока не выступили в концерте, на котором присутствовал секретарь обкома, после чего меня едва не выгнали из института. Так что всё началось с театра миниатюр, а когда я вернулся домой в Киев, мне стало очень одиноко и плохо без этого театра, и я стал чего-то пописывать. Никто к этому, включая папу, серьезно не относился. Он, скорее, хотел, чтобы я защитил диссертацию. И только когда папа увидел гонорар из киножурнала «Фитиль» – целых 900 руб., тогда состоялся, – он тут же сказал: «Так что ты сидишь? Иди, пиши „Фитиля“!»

– Я читал, что Михаил Задорнов стал вашим «крестным отцом» в юмористике и даже помог с контактами Евгения Петросяна и Марии Мироновой...

– Мы с ним познакомились, когда Михаил работал в журнале «Юность», он там заведовал отделом сатиры и юмора – «Зеленый портфель». Задорнов меня напечатал, и я стал к нему приходить, когда приезжал в Москву, поскольку «Юность» находилась в центре города, на площади Маяковского. Мы подружились, и в один прекрасный день я сказал, что начал писать для эстрады. Миша спросил, получаю ли я авторские. Я тогда понятия не имел, что это такое, но на всякий

случай ответил «да». Тогда Задорнов еще не был таким известным юмористом, но уже писал для эстрады. Он сказал, что сможет познакомиться меня с Петросяном. Евгений Ваганович тогда был популярен, я пошел к нему на концерт, и он меня замечательно принял. Хочу отметить, что он всегда был внимателен к молодым авторам. Я понимаю, что сегодня он стал «притчей во языцех», но его отношение к авторам – это образец. У него в офисе висели портреты авторов, и всем своим московским авторам он «сделал» звания, что в те годы имело значение. В нашем разговоре я сказал, что у меня есть женский монолог для возрастной актрисы. Уже не помню, кто из нас произнес фамилию Марии Мироновой, но Петросян порекомендовал мне обратиться именно к ней. Он дал мне телефон Марии Владимировны, я ей позвонил. Она сухо со мной поговорила, дала мне свой адрес на Старом Арбате и попросила бросить мой текст прямо в ее почтовый ящик. Я пришел, без всякой надежды бросил в ящик два листика и перезвонил буквально через день. Теперь она со мной говорит совершенно иначе – ласково – и сказала, что нам нужно встретиться. Мария Владимировна на правах старшей пригласила меня к себе домой, и это была незабываемая встреча. Таких встреч было несколько, мы работали над текстом тщательно.

К тому времени муж и партнер Мироновой Александр Менакер уже умер, а Андрюша Миронов еще был жив. Я очень хотел с ним познакомиться, но постеснялся попросить Марию Владимировну о встрече с сыном. Когда я явился в очередной раз, Миронова сказала, что текст готов и я должен позвонить в Министерство культуры СССР некоему Леше Стрельцову. Потом выяснилось, что это был очень высокой чин. Я позвонил, пришел туда – и обалдел: меня принимали, как Хемингуэя. В те годы за эстрадный монолог платили от 100 до 200 руб. Со мной тут же заключили договор, я сразу же в кассе получил 200 руб., и с легкой руки Марии Владимировны Мироновой всё «покатилось». Она дала мне толчок, а потом довольно быстро я уже стал писать и для других эстрадных артистов. А тот монолог

Мироновой я даже не включил ни в одну книгу, по прошествии времени мне он показался слабым.

– А московские авторы не чувствовали в вас конкурента?

– Я-то жил в Киеве и был далеко от разных «группировок», однако, с другой стороны, я не мог часто участвовать в различных мероприятиях и юмористических программах. Писал я практически всем ведущим мастерам эстрады – Геннадию Хазанову, Владимиру Винокуру, Ефиму Шифрину, Кларе Новиковой...

– Я понимаю, что следующий вопрос прозвучит провокационно, но как вы думаете, почему больше 90% авторов-юмористов и часть артистов разговорного жанра советского периода – евреи?

– Этот феномен объясняли уже много раз, и даже существует специальная теория о том, что это связано с менталитетом евреев, когда нас всю жизнь притесняли, а мы были вынуждены выкручиваться. Но среди авторов-сатириков есть не только евреи. Я, например, очень люблю и уважаю как автора Анатолия Трушкина, недавно, к сожалению, ушедшего.

– Как вы думаете, можно ли развить в себе чувство юмора или это исключительно врожденное чувство?

– Я думаю, что можно развить чувство юмора, но не до каких-то высоких пределов. У меня даже есть девиз: «Понял юмор сам – помоги товарищу!» Даже если взять мою судьбу: не попал бы я в СТЭМ – не стал бы этим заниматься, хотя у меня было чувство юмора. Еще в детском саду воспитательница жаловалась маме, что я смешу детей и не даю им есть, хотя сам я при этом на аппетит не жаловался. Вообще много чего можно развить. Когда рождается ребенок, в него можно многое вложить, но есть, мне кажется, и врожденное чувство юмора. У героини моих рассказов Майи Михайловны – пожилой женщины, к которой я регулярно ходил в течение десяти лет, – уже был сильный склероз, но чувство юмора не покидало ее до последнего дня. Я приходил к ней каждый день, и она мне говорила: «Саша, представляю, как я вам надоела», на что я отвечал: «Нет, Майя Михайловна, вы даже себе не представляете, как». Она смеялась, и это свидетельство того, что чувство юмора остается с человеком навсегда, оно помогает жить, как и ирония.

– Да, людей без чувства юмора можно только пожалеть. Скажите, а знаменитый писатель-сатирик Михаил Жванецкий оказал на вас какое-то влияние?

– У меня в жизни был эпизод, когда в Киев приехал Аркадий Исаакович Райкин. Мне тогда было лет тринадцать, и мама достала всего один билет. На семейном совете решали, кто пойдет, и в конечном итоге решили, что пойду я. Я до сих пор благодарен маме, и это был тот самый концерт, где Райкин с Карцевым исполняли знаменитую миниатюру «Авас». Уже тогда я понимал, кто такой Жванецкий, но впервые близко соприкоснулся с Михал Михальчем уже на семи-

наре для авторов «Фитиля». Это был примерно 1987 г., и там присутствовал Жванецкий – еще молодой, от него не отходили, потому что он, что называется, остроумно «держал площадку». Что касается творчества, то учился я писать смешно по книге Аркадия Хайта «Не надо оваций». Был такой замечательный писатель-сатирик, а эту книгу мой друг Боря «увел» из какой-то районной библиотеки и подарил мне, потому что я сказал, что она мне нужнее. В книге было много эстрадных номеров, и я их разбираю «по косточкам», так что своим учителем я считаю Аркадия Хайта, но Жванецкий, конечно, тоже оказал на меня влияние. Потом мы с ним познакомились, а примерно в 1989 г. в Киеве отмечали день рождения киевлянки Клары Новиковой в доме ее родителей. Там была Клара, ее директор, Михал Михалыч, я с моей будущей женой Аней, а также папа и мама Клары. За столом Жванецкий поинтересовался у меня по поводу Ани. Я ответил, что это моя невеста. «Женись, а то отобью», – «пригрозил» Михал Михалыч. Я испугался и женился. А вскоре в Одессе Жванецкий встретил свою Наташу и счастливо прожил с ней до последнего дня.

– Как вы думаете, почему сейчас почти нет такого жанра как политическая сатира?

– Политическая сатира могла существовать только в небольшой промежуток свободы, когда на НТВ выходили «Куклы». У меня несколько раз в Киеве были предложения делать такие же программы, в том числе вместе с Шендеровичем. Мой друг Виктор Шендерович сказал, что не может в Украине делать «Куклы», но может быть хуруком или консультантом. И все было на мази, но затем продюсеры давали понять, что есть парочка персонажей, которых нужно меньше «трогать», и все срывалось. Сатирическая программа не может существовать в ограничительных рамках. К счастью, у Виктора в «Куклах» таких ограничений почти не было, хотя он позже писал, что его просили иногда поменять какую-то фразу, однако все-таки он был свободен.

– А как же тогда «95-й квартал»? Ребята показывают пародии на современных украинских политиков, включая президента страны.

– Да, именно из-за этого они стали популярны и «выросли» в профессиональном плане. Я знаком с некоторыми авторами «95-го квартала». Не знаю, были ли у них какие-то ограничения, но они действительно занимались политической сатирой. А мне к тому времени это уже стало неинтересно, потому что появились другие планы и интересы: театр, кино, литература...

– Давайте перенесемся в наши дни. Насколько неожиданным стало для вас вторжение РФ в Украину, которое произошло 24 февраля 2022 г.?

– Когда 22 февраля 2022 г. Путин объявил о признании ЛНР и ДНР, я понял: что-то будет. У меня в Мариуполе шло два спектакля, там жили мои друзья, и я позвонил ребятам-актерам и сказал им, что что-то намечается и у них там будет неспокойно. Они мне ответили: «Саша, не морочь нам голову, у нас завтра

репетиция». Увы, я политически наивен, поэтому не ожидал, что Путин сможет напасть. Мне звонили друзья из Америки и говорили, что из Украины уехали американские дипломаты, что будут проблемы с бизнесом, но я не верил. В первый же день агрессии России я написал два поста в Facebook. Первые десять дней я был в Киеве, и, как сказали психологи, самые трудные – это первые пять дней войны. Сейчас мы к этому привыкли, даже в Харькове, где постоянно бомбят, в Николаеве или Николаеве люди привыкают и приспосабливаются. Тогда, в самом начале, было непонятно, что происходит, чего ждать дальше. Помню растерянных соседей, когда вдруг разбомбили дом на Оболони недалеко от нас...

– Сейчас вы живете в Германии, в Штутгарте. Кем вы себя ощущаете и как проходит ваша жизнь на чужбине?

– Меня жена тянула в бомбоубежище, но я считал это излишним. Так мы в бомбоубежище и не побывали, а чтобы Аня не переживала, я подчинился, и спать мы ложились в коридоре, где несущие стены и нет окон. Я считал своим долгом писать. Я понял, что мои посты в Facebook реально помогают людям не так нервничать и переживать. Помню, одна моя знакомая написала такой пост: «Девчонки, это только у меня каждый день истерики или у всех?», и со всех сторон посыпалось: «А у меня каждый вечер», «А у меня, когда воздушная тревога», «А у моей дочки постоянно». У нас на руках еще оказалась собака, изначально принадлежавшая сестре моей жены, которая живет в Штутгарте. Я видел, как переживает моя Аня, дочка к тому времени уже была в Германии, и мы приняли решение ехать. В тот же день приехали к автобусу у киевской синагоги на Подоле и совершенно случайно в него попали, а собирались буквально полчаса. Чтобы вы понимали: мы даже оставили включенным холодильник и свет в двух комнатах, создавая иллюзию, что дома кто-то есть, из-за чего у нас потом возникли большие проблемы. Я решил, что мы через несколько дней вернемся. А потом мы попали в Венгрию, в Будапешт, а затем в Штутгарт, куда привезли с собой ту самую собаку, и с тех пор живем тут.

– Вы до этого уже бывали в Германии или это был ваш первый приезд сюда?

– У меня с 1995 г. в Германии живет брат. За 27 лет я у него был ровно один раз, а он каждый год по полтора месяца «отдыхал от немцев» у меня. Он живет рядом с Дюссельдорфом. Теперь вот и мы живем в городе Штутгарте, который мне все больше нравится.

– Вы сказали, что ехали с ощущением, что всё это ненадолго. Сейчас вы уже как-то адаптировались и чувствуете себя более свободно, чем в начале переезда? Как проходила ваша адаптация?

– Первые дни я вообще не понимал, что происходит, находился не «в своей тарелке» и не знал ни одного слова по-немецки. Потом прошло время, мы пошли на языковые курсы, я, конечно, не делаю великих успехов в немецком языке, но уже могу что-то спросить, сказать и что-то прочитать. Я понял географию города и неплохо ориенти-

руюсь. Еще Штутгарт мне нравится тем, что его рельеф напоминает Киев. Кроме того, тут есть много моих читателей и подписчиков, появились и друзья. Когда мы еще ехали в Германию, мне в Facebook написали десятки добрых людей, готовых нас приютить, но мы знали, что едем к Аниной сестре. Нам повезло, мы быстро нашли жилье и живем в здании евангелической церкви. Здесь есть люди, живущие давно, наше жилище больше походит на дешевую гостиницу. Я всем говорю, что у меня квартира в Киеве и дача в Штутгарте. Это немного странное жилье, зато с большой террасой, так что для беженцев мы устроены нормально. Мы ни от кого не зависим, я адаптировался, хотя ко многому трудно привыкнуть.

– В России уже долгие годы есть большой запрос на ностальгию по СССР, который поддерживается как сверху, так и снизу. В Украине ситуация выглядит по-другому?

– Люди – разные, но человек не может не вспоминать о своей молодости. Наша молодость пришлась как раз на самый расцвет Советского Союза. Я уже сказал, как чуть не вылетел из института за политическую сатиру, а еще я помню цензуру, когда запрещали исполнять какие-то тексты, но все равно это были счастливые годы молодости, становления и взросления. Я воспринимал советскую власть как нечто данное нам сверху – как солнце или луну. Она есть, никуда от нее не деться, но я относился к ней иронично. Например, на заводе, где я работал, раз в неделю нужно было посещать обязательные мероприятия по «политпросвещению». Ходил туда и валял дурака. Мне кажется, люди часто путают ностальгию по светлым и приятным моментам своей молодости с жизнью в стране, которая уничтожила миллионы своих сограждан, где не было свободы слова, а часто даже элементарных продуктов и лекарств. Конечно, в СССР можно было получить бесплатное образование, на кусок хлеба при советской власти при желании тоже можно было заработать, хотя были копеечные зарплаты и в 60 руб. в месяц, а у меня первая зарплата была аж 110 руб.

– Как вы думаете, возможна ли в принципе «отмена» русской культуры во всем мире из-за войны, о чем в последнее время часто спорят. Либо, условно говоря, запретить Пушкина, Достоевского, Толстого, Чайковского и Рахманинова невозможно?

– Много горячих споров было недавно по поводу сноса памятников Пушкину в Украине. Пушкин «наше всё», и он сегодня реально олицетворяет собой символ «русского мира», им размахивают как жупелом, хотя гениальный поэт тут ни при чем. Неприятие к этому «русскому миру» было в Украине и раньше, а сейчас оно стало еще сильнее. Понять это сегодня можно, и я понимаю те театры, которые удаляют из своих названий имена русских деятелей искусств. Но вот Киевская консерватория оставила в названии имя Петра Ильича Чайковского. Пройдет, наверное, и это, хотя кого-то это коробит. Однако нынче речь идет о национальном возрождении Украины, ее суверенитете, и всё, что мешает

этому, нужно убирать. Я это понимаю, поэтому мои пьесы я перевел на украинский язык, а сейчас написал пьесу сразу на украинском языке. Но я не собираюсь отдавать русский язык Путину! Конечно, если бы спросили лично меня, то я бы не сносил памятники и не переименовывал улицы и площади. Подытоживая, скажу: давайте сначала доживем до конца войны, а потом уже будем заниматься подобными вещами.

– Как вы считаете, все ли без исключения россияне несут ответственность за войну, развязанную Путиным против Украины?

– В первый день войны мне позвонил Виктор Шендерович и начал передо мной извиняться, а я вообще не понял, что он имеет в виду. Еще мне звонил Игорь Иртенев и другие близкие друзья. Конечно, чувство вины есть даже у меня, потому что я, в принципе, люблю Россию, я там учился и жил, я любил Москву и часто туда приезжал. Ко мне там хорошо относились и были ко мне внимательны, но дети моих одноклассников, с которыми я учился, возможно, сейчас где-то воюют в Украине. Я испытываю чувство гнева, а чувства ненависти у меня нет. Это близкие чувства, но не идентичные.

– Как социальные сети изменили вашу жизнь? Что они вам дают в профессиональном и чисто в человеческом плане?

– Конечно, как и у всех, у меня тоже изменилась жизнь. У меня есть несколько фейсбучных знакомств, которыми я очень дорожу, хотя с некоторыми из них я лично и не знаком. Кроме того, Facebook сегодня – это основное мое чтение. Я стараюсь не пропустить свежие стихи моих друзей Вадима Жука, Сергея Плотова, Игоря Иртенева, новые рассказы Анатолия Головкова, Татьяны Хохриной. Я назвал всего несколько фамилий навскидку, еще могу назвать Дениса Драгунского. Это люди, которых я читаю. С другой стороны, я также чувствую и свою ответственность, потому что если я некоторое время не пишу, то сразу возникают вопросы: «Где вы?», «Что с вами?». Особенно это проявилось в первые дни войны, но мне и сегодня говорят: «Саша, пиши! Мы ждем». Я стараюсь писать в своем стиле: с юмором и оптимизмом. Это важно не только для меня, но и для тех, кто меня читает. Так что каждый день, иногда через день, я – в Facebook. Даже из больницы, где мне недавно сделали операцию по замене бедренного сустава, я регулярно писал.

– Как вы думаете, нет ли опасности в том, что из-за этой «близости» между вами и читателями возникает какая-то фамильярность, описанная Гоголем в «Ревизоре»: «Что, пишешь, брат Пушкин?»?

– Пару раз было такое, что меня расстраивало, но надо уметь «держаться удар», и это нормально. Это – обратная связь, хотя я очень редко кого-то «баню» (бан – блокировка контакта, после чего «забаненный» не может ни читать, ни комментировать данного автора. – Е. К.). За всё это время я «забанил» всего несколько человек, но я людей совершенно не боюсь.

Беседовал
Евгений КУДРЯЦ